

Часть первая

Глава 1

Дежурство закончилось так рано, что город еще не был виден в утренней полумгле. Он лишь угадывался, и то не видом своим, а обликом — смелостью и стройностью. И близостью большой воды, свободного холодного пространства.

Конечно, Рената не думала обо всем этом вот так определенно, отчетливо. Она до того устала после дежурства — все мамочки зарожали под утро, одновременно, будто по команде, — что передвигалась в этом пространстве — конечно, и смелом, и стройном, и свободном — машинально, совсем его не замечая.

Она вышла из больницы и направилась по Второй линии к метро. Когда-то в детстве она и жила здесь, на Васильевском, и родители ее здесь жили, и бабушка с дедушкой, и все поколения семейства Флори с тех самых пор, как судьба занесла их в Россию, в стройный город Петербург. Но когда Рената училась в третьем классе, их коммуналку расселили и жильцам дали квартиры в Озерках. Кажется, об этом никто и не горевал. Во-первых,

что же горевать, если все равно ничего не изменить — выселяйся куда велели; тридцать лет назад никому и в голову не могли прийти иные мысли. А во-вторых, ванна, которая не стоит посередине кухни, отделенная от газовых плит клеенчатой занавеской, а располагается в отдельной ванной комнате, а значит, в ней можно мыться в любое время дня и ночи, притом без очереди, — это было такое очевидное благо, обсуждать которое казалось, право же, странным.

В эту самую ванну Рената и мечтала теперь погрузиться. А потом немедленно уснуть. Способность не спать сутками, приобретаемая всеми медиками еще в институте, с недавних пор стала ее подводить. Не всегда, правда, но все же. Возраст, видимо, такой подошел. Рената думала о своем возрасте спокойно, без надрыва и без присущего большинству женщин страха.

Так что по сторонам она не смотрела и ничего вокруг не замечала. Только Нева была огромна, как вздох, ее невозможно было не замечать даже в тусклых февральских утренних сумерках.

В вагоне Рената задремала, но проснулась ровно за две минуты до своей станции. С тех пор как в Озерки пустили метро, жить здесь стало удобнее.

В хлебном киоске возле дома она купила сдобную булку. Утром всегда были свежие, даже теплые еще, и она всегда покупала здесь сдобу — после дежурства для себя или по дороге на работу к общему чаю.

Уходя вчера в больницу, Рената поменяла постельное белье, и теперь, после ванны, с удовольствием вытянулась на свежей простыне.

«Это ли не блаженство?» — сонно подумала она.

Конечно, это было именно блаженство: прийти с любимой работы, чувствуя толковую усталость ума и тела, принять ванну и со спокойным сердцем уснуть в чистой, теплой постели.

И она закрыла глаза, улыбнулась и уснула.

Телефон зазвонил, кажется, ровно через минуту после этого. Рената быстро села на кровати. Она никогда не отвечала на звонки лежа, потому что обычно это бывали какие-нибудь срочные больничные вопросы, отвечать на них надо было внятно, а резкое движение помогало быстро вынырнуть из сна и поставить голову на место.

— Рената Кирилловна! — Голос Антона звучал растерянно. — Ирка родила.

— Как родила? — Невозможно было, кажется, задать более глупый вопрос! — Когда?

— Да сейчас. Только что. Утром забрали, к вечеру родила.

Все правильно, в Нью-Йорке сейчас именно вечер. Но рожать-то Ира должна была только через месяц!

— Антоша, но почему же вдруг? — воскликнула Рената. — Что с ней случилось?

— Ничего не случилось, — пробормотал зять. — Пошла утром умываться, ой, говорит, рожаю... Ну, и забрали ее.

— И... как? — с замиранием сердца спросила Рената.

— Что — как?

Все-таки Антон иногда производил впечатление клинического идиота, несмотря на весь свой математический талант!

— Дети как?!

— А!.. Дети здоровы, — тем же растерянным тоном ответил зять. — Только маленькие какие-то. Мальчик килограмм и четыреста граммов, а девочка килограмм и двести. Их под колпаками держат, — зачем-то уточнил он.

— Это нормальный вес на таком сроке. Для двойни даже хороший.

Рената постаралась, чтобы ее голос прозвучал спокойно. Не для Антона постаралась, а для себя: она так испугалась, что ей больше надо было успокоиться, чем зятю, который, кажется, даже и не понял, насколько опасны роды на восьмом месяце беременности.

— Ирка спит, — предупреждая ее вопрос, сообщил он. — И сказала, чтобы я вам позвонил, что врачи сказали, что все в порядке, а сама она потом позвонит, когда отоспится.

— Хорошо, — вздохнула Рената. — А ты их видел?

— Врачей?

— Детей!

— Ну да, — ответил Антон. Теперь тон у него был не растерянный, а опасливый. — Они страшные вообще-то. На людей не очень похожи.

— Ладно-ладно, — улыбнулась Рената. — В зеркало почаще смотри. Поздравляю, папаша!

— И я вас тоже, — вяло ответил Антон.

Расспрашивать его еще о чем-нибудь было явно бессмысленно. Пусть приходит в себя и привыкает к новому своему положению. О том, что к новому положению надо привыкать и ей, Рената как-то не думала. Может, потому что внуки родились так далеко от нее. Да нет, скорее по всегдашней своей готовности к любым переменам участи.

Вообще-то это было странно, такая вот готовность. Все-таки жизнь ее текла так ровно и даже однообразно, что любое мало-мальски значимое событие должно было бы производить эффект разорвавшейся бомбы.

А может, удивляться такому своему качеству как раз и не приходилось, и именно по этой причине — из-за привычки к ровному течению времени и событий. Когда живешь в таком течении не год, не два, а практически всю жизнь, то и жизнь свою воспринимаешь уже соответствующим образом. Ну и характер у нее сдержанный, конечно. Обычный петербургский характер.

«Что ж, поздравляю себя, бабушка, — подумала Рената. — Пусть растут здоровыми».

Она снова легла, закрыла глаза. Но сна уже не было, хотя столь значительное событие вошло в ее жизнь так естественно и просто, словно бабушкой она была всегда.

Пространство Невы у стрелки Васильевского острова, точеный рисунок ее берегов, прекрасная

вереница зданий вдоль них встали на темном экране закрытых глаз. И отчего вдруг? Непонятно.

«Надо торт купить на работу, — подумала Рената. — И вина. Нет, шампанского. И коньяка. Отпразднуем».

Это были очень простые, очень будничные мысли. Но кто сказал, что простота мыслей — это плохо?

Глава 2

Рената не знала, чего больше в ее отношении к работе — любви или привычки. Ежесекундную любовь к делу, которым профессионально занимаешься почти двадцать лет кряду, она считала неуместной и даже неприличной экзальтацией. Но и рутинной ее работа ей не казалась. Пожалуй, работа была похожа на небо — вот это, низкое, февральское: сплошная серая мгла, и вдруг просвет, и мелькает в нем что-то ясное, неожиданное и, прежде чем исчезнуть, успевает коснуться сердца.

Впрочем, это было слишком возвышенно, так думать, и Рената так не думала. Тем более что работа, как к ней ни относиться в общем смысле — в смысле простом, повседневном, — оставляла мало времени для посторонних размышлений.

Зданию, в котором Рената работала, было без малого триста лет, и двести из них в нем располагалась клиника для родовспоможения и исцеления женских болезней. Именно так было написано в за-

вещанин, которое оставила владелица особняка, передавая его городу.

За триста лет дом, конечно, сто раз перестраивался, все более толково приспособляясь под нужды больницы. Но все равно и снаружи, и изнутри он оставался, безусловно, старинным, каким-то образцово старинным — с высокими окнами, арочными дверными проемами и сводчатыми потолками. Такая старообразность мешала ему считаться привилегированным роддомом: для этого зданию не хватало современного лоска. Но старые петербуржцы, то есть еще ленинградцы, отправляли своих дочек, внучек и уже даже правнучек рожать именно сюда: у клиники было доброе имя, все знали, что здесь работают толковые и опытные врачи, и для понимающего человека интерьеры при этом не имели значения.

Рената как раз и была таким врачом, толковым и опытным. И в клинику на Второй линии Васильевского острова она пришла работать сразу после института. К тому же она происходила из настоящей врачебной династии — прежде в этой же клинике работала ее мама, Анна Васильевна Флори, к которой женщины приезжали рожать со всех концов города, обходя ради этого любые препоны в виде обязанности производить на свет детей исключительно по месту прописки.

Мама, кстати, и родилась в этой же самой клинике во время блокады, и роды у бабушки принимал супруг, Василий Андреевич Флори. Он тоже был врачом этой клиники и специально вырвался на

несколько часов из госпиталя, в который его перевели в военное время.

О том, что у Ренаты родились внуки, все отделение каким-то загадочным образом узнало, кажется, еще до того, как она явилась на работу.

— Ну что вы пристали к несчастной женщине? — увещевала потянувшихся с поздравлениями коллег пожилая акушерка Мария Анисимовна. — Ну, бабка она теперь. И с вами то же самое будет.

Рождение внуков решили отметить так, как отмечали в отделении все подобные события, как отмечают их в тысячах больниц, институтов, детских садов, библиотек и прочих интеллигентных учреждений — чаем с тортом и легкой дневной выпивкой.

— Сквородников не вернулся? — спросила Рената, нарезая большой, в сливочных узорах, торт.

Павел Андреевич Сквородников заведовал клиникой, а Рената была его заместительницей. С утра его вызвали в горздрав, и она не успела пригласить его на торжество.

— Вернулся, — ответила Лиза Антонова. — Минут пятнадцать назад подъехал.

Лиза работала медсестрой, но все новости знала лучше любой секретарши.

— Пойду его позову, — сказала Рената.

Кабинет заведующего находился в самом конце длинного коридора. Старинная сущность здания была в этом кабинете особенно заметна: он напоминал ту комнату дома Льва Толстого, которая называлась комнатой под сводами; это сходство все

отметили, когда персонал клиники возили когда-то давным-давно в Ясную Поляну на экскурсию.

Сковородников стоял у своего стола и раскладывал какие-то бумаги — наверное, те, что привез из горздрава. Вид у него при этом был недовольный: он умел общаться с начальством, но не любил. Он вообще не любил ничего, что отвлекало его от двух вещей — от работы и от приятных посиделок в хорошей компании.

— Привет, — сказал он, поднимая глаза на вошедшую в кабинет Ренату. — Садись. Я сейчас.

— Я на минутку. — Ни садиться, ни даже проходить к столу она не стала. — Зайдешь к нам на чаек?

— А что за событие? — не отрываясь от бумаг, поинтересовался он.

— Событие. Ирка моя родила.

— Ну да! — ахнул Сковородников. — Ничего себе! Что ж ты молчишь?

— Я не молчу, — улыбнулась Рената. — Вот, приглашаю отпраздновать. Торт принесла по такому случаю.

Сковородников покрутил головой.

— Ну ты даешь! Так говоришь, как будто их у тебя десяток, внуков. По такому случаю выпиваться полагается. Зеркала в ресторанах колотить. Рыдать.

— Почему же рыдать? — пожала плечами Рената.

— Ну, или хохотать. Выражать, в общем, эмоции. А ты — торт, чаек...

— Для тебя есть коньяк.

— Да это я так, к слову. Дело не в напитке.

— Приходи, Павел. — Рената открыла дверь и обернулась у порога. — Всё уже на столе.

— Сейчас иду.

Он смотрел ей вслед, возвышаясь над столом. Он и раньше, в молодости, был массивный — не толстый, а вот именно тяжеловесный, внушительный, — а сейчас, с годами, это стало в его внешности определяющим. Он производил солидное и респектабельное впечатление.

«Как странно! — подумала Рената. — Ведь какое отчаяние было, и счастье какое, и горе... И ничего не осталось. Кто бы мне тогда сказал, что все без следа пройдет, совершенно пройдет — не поверила бы».

— Иду, — повторил Сквородников, видимо, заметив, что она замешкалась в дверях.

И она вышла из кабинета. Все-таки эта мысль была слишком неожиданной и мимолетной, чтобы ее задержать. Так — мелькнула на мгновение и исчезла без следа.

Вечером пришлось задержаться: тяжело рожала Старцева. Таз узкий, родовая деятельность слабая, и, конечно, надо было сразу кесарить, но Рената почему-то замешкалась, и оперировать стало уже невозможно. То есть она сама была виновата в том, что возник ненужный риск, и, конечно, не могла уйти, пока Старцева не родила.

Впрочем, задерживаться после работы, и надолго, приходилось едва ли не каждый день, к этому

Рената привыкла, и то, что ей не надо спешить домой, было для ее работы очень удобно.

Со Сковородниковым она столкнулась в дверях.

— А ты что так поздно? — удивилась Рената.

Павел Андреевич давно уже не занимался врачеванием — перешел на административную деятельность, в которой оказался весьма успешен. И на работе он обычно не задерживался.

— Да так, дела бумажные, — сказал он. — Подвезти тебя?

Рената уже открыла было рот, чтобы отказаться. Ей хотелось прогуляться, хотя бесцельных прогулок она вообще-то не любила. Ходить ежедневно по три часа или по три километра просто так, ради моциона, казалось ей странным. Но любую обоснованную возможность подышать воздухом она старалась использовать. Вот, например, пройтись от больницы до метро.

— Подвези, — неожиданно для себя сказала она.

Рената и сама не поняла, почему вдруг так ответила Сковородникову. Это было что-то сродни ее сегодняшней мимолетной мысли — о странности того, что чувства, даже очень сильные, проходят бесследно.

Машина у Павла Андреевича была новая, японский джип, притом, как сразу после его приобретения заметила всезнающая Лизочка, очень интеллигентный.

— Как это машина может быть интеллигентной? — удивилась тогда Рената.